

В. П. БОТКИН — ГЕРЦЕНУ

Публикация Е. Л. Рудницкой

Три публикуемых письма Василия Петровича *Боткина* (1811—1869) относятся к 1847—1848 гг. В этих письмах нашла свое отражение та острая политическая дискуссия об исторической роли буржуазии, которая разгорелась в это время среди участников бывшего московского кружка Герцена и Грановского. Непосредственным поводом к дискуссии послужило письмо Герцена к М. С. Щепкину из Парижа («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 207—212) и его «Письма из Avenue Marigny».

Известно, что в «Письмах из Avenue Marigny», предназначенных для печати, Герцен дал острую критику буржуазной цивилизации и господствующего класса общества — буржуазии. В результате первого непосредственного знакомства с европейской жизнью Герцен пришел к убеждению, что «буржуазия не имеет великого прошедшего и никакой будущности» (V, 133). Поднятые Герценом вопросы самым непосредственным образом были связаны со спором о путях исторического развития, о движущих силах истории — в Европе, где разгоралась буржуазно-демократическая революция, и в России, где все более обострялся кризис феодально-крепостнической системы. Позиции, занятые участниками этого спора, сделали явственной принципиальную непримиримость между революционной и либеральной идеологией.

Из всех участников московского кружка Герцена и Грановского, встретивших с неудовольствием «Письма из Avenue Marigny», Боткин наиболее последовательно и четко выступил, с позиций либерализма, против герценовской оценки буржуазии.

Герцен критиковал буржуазию как революционер и социалист. Он обличал буржуазную цивилизацию и желал ее уничтожения потому, что эта цивилизация была основана на материальном и духовном порабощении трудящихся масс. Но в то же время герценовская критика буржуазии отражала в полной мере его идеализм в понимании исторического процесса. Не обладая правильными представлениями о закономерности в смене общественных формаций, Герцен не понимал исторической роли капитализма. В этот период он рассматривал буржуазию вне связи с экономическими законами развития общества и поэтому полностью отрицал ее прогрессивную роль. Белинский, в присутствии которого Герцен писал некоторые «Письма из Avenue Marigny», сумел обнаружить эти слабые стороны позиции Герцена. Ненавидя, как и Герцен, капиталистическую цивилизацию ненавистью демократа-революционера, жаждущего социалистического переустройства общества, Белинский расходился с автором «Писем из Avenue Marigny» в понимании исторической роли буржуазии, считая, что рассматривать буржуазию как нечто единое, не делая различия между крупной, средней и мелкой буржуазией, — неправильно.

Исходные позиции Боткина в его полемике с Герценом были совершенно иными. Уже в эти годы Боткин выступил как открытый противник социализма. В первом из публикуемых писем от 25 ноября 1847 г. Боткин с удовлетворением привел слова Герцена, содержащиеся в его письме к Грановскому из Парижа: «В голове у меня становится как-то темно». Слова эти Боткин толковал как отказ Герцена от социалистических идей, как выход «из царства отвлеченных решений, в которых все ясно

и распределено». Либерал Боткин не понимал духовной драмы Герцена. Приехав в Западную Европу «демократом, революционером, социалистом» (см. В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 10), Герцен еще до поражения революции 1848 г. начал разочаровываться в известных ему разновидностях утопического социализма и в готовности буржуазной Европы к социалистическому переустройству общества. Боткин же и скептицизм Герцена повял как отход от социализма. В этой связи очень характерно отношение Боткина к диалогу Герцена «Перед грозой», в котором Герцен в блестящей литературной форме изложил свое философское понимание кризиса буржуазной цивилизации, раскрывшегося перед ним в Западной Европе. Очень высоко оценив художественные достоинства статьи «Перед грозой», Боткин в публикуемом письме от 16 сентября 1848 г. заявил свою полную солидарность с Герценом в оценке затронутых в этой статье вопросов и противопоставил ее «Письмам из Avenue Marigny». Мировоззрению Боткина в этот период не чужды были элементы критики современных форм европейской жизни, буржуазной морали, религии. Найдя в статье Герцена отражение пессимистического взгляда на буржуазную Европу, Боткин приветствовал эти настроения Герцена как глубоко родственные ему самому. Между тем скептицизм Боткина не имел ничего общего со скептицизмом Герцена. В. И. Ленин вскрыл характер герценовского скептицизма, показав, что скептицизм был для Герцена только формой перехода к более высокой ступени понимания исторического процесса, понимания исторической необходимости классовой борьбы пролетариата. Для Боткина же скептицизм был одним из проявлений его либеральной идеологии. Боткин был одним из предшественников тех русских либералов, которые прикрывали «свою контрреволюционность цветистыми фразами о скептицизме Герцена» (В. И. Ленин. Там же). Убеденный противник социализма, Боткин пытался доказать Герцену беспочвенность его критики буржуазии. Он убедил Герцена в том, что утопический социализм абстрактно трактует классовые противоречия в буржуазном обществе. Революция 1848 г. заставила его сделать вывод, что борьба идет не между буржуазией и народом вообще, а между «собственностью и пролетариатом», пролетариат же, в понимании Боткина, не мог быть создателем социального прогресса. Для Боткина капиталистическая цивилизация, при всех ее пороках, являлась вершиной человеческой цивилизации. «Дай бог, чтоб у нас была буржуазия!»—вырвалось у него в письме к П. В. Анненкову от 12 октября 1847 г. («П. В. Анненков и его друзья». СПб., 1892, стр. 551). Это восклицание хорошо передает социальное-политические симпатии Боткина. Отмечевываясь открыто от социализма, он в эти годы еще старательно подчеркивал свои демократические симпатии, свое сочувствие страданиям народа. Но декларации не подкреплялись делами. Интересы народа были, по существу, глубоко безразличны Боткину. В то время как Герцен в «Письмах из Avenue Marigny» искал социальное учение, способное указать трудящимся массам конкретные пути к уничтожению существующего социального гнета и с этих позиций критиковал современную буржуазную политическую экономию, которой нет дела до обездоленного человека, которая «выродилась в торговую смысленность», в искусство наживы,—Боткин, напротив, видел «великую заслугу» буржуазной экономической науки в открытии законов, «управляющих в промышленности», и противопоставлял буржуазную политическую экономию социалистической критике капитализма (письмо Боткина к П. В. Анненкову от 26 ноября 1846 г. — «П. В. Анненков и его друзья», стр. 525). Ничтожнейшая административная реформа, новое уложение о городском самоуправлении, умилила Боткина. Он объявил новое уложение «большим прогрессом», особенно подчеркивая, что оно исходит от правительства (там же, стр. 523).

Мирный прогресс Боткин противопоставлял борьбе народных масс. Ратуя за капиталистическое развитие России, он мечтал о превращении дворян в буржуа-предпринимателей, а монархии феодальной — в монархию буржуазную. Дальнейшая политическая эволюция Боткина привела его впоследствии в лагерь реакции.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 73).

Москва. 25 ноября 1847

Вчера вечер и нынче утро провел я за письмом к тебе ¹, — написал много о всем, послал его на почту, а посланный воротился скоро с известием, что потерял письмо дорогою. Можешь представить, как мне досадно, — досадно потому, что я решительно не могу написать тебе снова такое же большое письмо, да и жаль мне еще его: я был доволен им. — Между тем, получил я вечером сегодня письмо от Анненкова; он пишет мне, что послал тебе мое к нему письмо ², где я писал ему о несчастном случае с Грановским. К счастью, никаких опасных последствий не будет.

В. П. БОТКИН

Рисунок неизвестного художника, 1848 г.

Местонахождение оригинала неизвестно.

Воспроизводится по фотографии

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

теперь остается только синята под правым глазом — и понемногу проходит. Он уже выезжает и на днях обедал у меня. Но, вероятно, перед ненастьем он будет страдать сильною болью в проломанной скуле, а по близости боль будет отзываться и в голове. Из моего письма к Анненкову ты также знаешь, что во время болезни Грановского умер отец его, оставивши ему в наследство одни долги. Дни и ночи, проведенные Елизаветой Богдановной у постели этого возмущающего душу человека, потом ушиб Грановского, который в первые два-три дня возбуждал самые сильные опасения, — словом, все эти тревоги потрясли ее слабое здоровье, и доктора объявили, что грудь у ней очень расстроена и что непременно надо летом ехать в Эмс укрепить ее водами. Вследствие этого Грановский и задумывает летом ехать за границу и старается теперь избрести средства

на эту поездку... изобретение нелегкое! Сердце сжимается от всего этого, Герцен.

22 ноября собрались мы праздновать твои именины и рождение Огарева, который за два дня перед этим приехал сюда³; но празднование было невесело, потому что Грановский прислал сказать, что он не может приехать по причине сильной боли в голове. И мы выпили за твое здоровье, и здоровье автора «Кто виноват», и Крупова, а об авторе писем из «Avenue Marigny» было умолчано⁴, и даже никто о нем голосу не подал. Кстати: ты говоришь, что написал статейку «На пароходе»⁵, но что ты недоволен ею. А я уверен, что она очень хороша, уверен потому, что ты очень доволен был своими письмами из Парижа. В одном из писем твоих к Грановскому есть одна фраза: «В голове у меня становится как-то темно»⁶. Эта фраза для меня, напротив, доказывает, что <ты> действительно начинаешь входить в процесс европейской жизни и что царство отвлеченных решений, в которых все ясно и распределено, оканчивается.

Ну что еще сказать тебе, caro? Холера в Москве почти кончилась, да и вообще действовала не сильно. Замечательно, что она ходила больше около Москвы-реки, а число умерших за Москвой-рекой с лишком вдвое больше числа умерших во всех других частях города. Из наших друзей и знакомых все здравствуют: двое были атакованы холерою — Валентин Корш и Сергей Иванович Астраков, — но теперь совсем здоровы.

Из новостей литературных нечего сообщить тебе интересного, разве то, что Самарин написал в некотором роде славянский манифест (в «Москвитянине») в форме замечаний на «Современник», т. е., собственно, на статью Кавелина и Белинского⁷. В сущности, все тот же мистико-общественный туман. Выпиши себе в Рим книгу Гакстгаузена — «Studien über Russland» (я не помню в точности названия)⁸ — очень интересна. — Тебе известно, что указателями автора была славянофильская партия: она составила ему точку зрения его. Автор видит факты (только с этой стороны книга замечательна), а толкует их вкось и вкривь; романтические инстинкты немецкие просвечивают в каждом его взгляде. — Я напишу «Современникам» насчет посылки журнала в Рим, если можно. Мой сердечный и искренний поклон Наталье Александровне — неужели и этот кроткий, южный воздух не восстановит ее здоровья? Крепко жму руку Марии Федоровне. — Корши и дети их здоровы. Николай, брат, вам низко кланяется и хотел сам писать к вам.

Поздравляю тебя с Римом, — что до меня, я могу жить только или в Париже, или в Риме. Обнимаю тебя крепко.

Твой В. Б.

На характеры, действующие «На пароходе», я замечу только, что напрасно ты сделал немца скептиком. Скептицизм — не в немецкой натуре, и едва ли ты знал хоть одного немца-скептика, едва ли видел когда-нибудь одну книгу немецкую скептическую. Промелькивает иногда скептицизм у Гейне, но слабо и робко. Немец, по существу своему, преимущественно верующий; посмотри-ка, как они веруют в свой Geist *, — что твой прежний Иегова. Скептиками всегда были одни англичане — *il faut un certain courage pour être sceptique, et les Anglais ont surtout le courage de leurs opinions* **. А о Крупове скажу тебе, что я не знаю, доставляло ли мне чтение чего-либо такое живое удовольствие, — больше, — наслаждение, как эта гениальная шутка! Это превосходно, уопительно.

* дух (нем.).

** чтобы быть скептиком, требуется известная смелость, англичане же особенно смелы в своих мнениях (франц.).

Так хочется, Герцен, в Рим, что инда тоска берет!

Прощай, спешу на почту: вчера вечером не дали мне писать — пришли кое-кто и просидели до двенадцати часов.

Твой В. Б.

Антонине Федоровне Кавелиной⁹ несколько лучше, но она очень слаба.

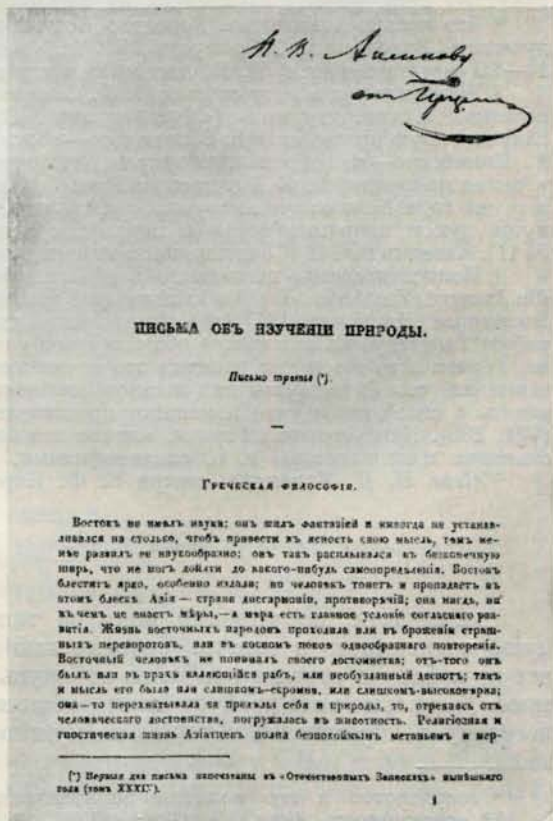
Представь: твое письмо из Ниццы ко мне шло сюда двадцать два дня!! По крайней мере я сужу так по тому, что оно от 13 ноября, следовательно 1 ноября нашего стиля, а я получил его 23 ноября.

¹ Настоящее письмо — ответ на не известное нам письмо Герцена из Ниццы от 1/13 ноября 1847 г. На публикуемое письмо Герцен ответил из Рима 31 декабря 1847 г. (ответ опубликован в книге «А. И. Герцен. Новые материалы». М., 1927, стр. 39—43).

² Боткин имеет в виду свое письмо от 12 октября 1847 г. к П. В. Анненкову, жившему тогда в Париже; опубликовано в книге «П. В. Анненков и его друзья». СПб., 1892, стр. 550—554.

³ Огарев жил в это время в своем пензенском имении Старое Акшено.

⁴ «Письма из Avenue Marigny», позднее вошедшие в цикл «Письма из Франции и Италии», были напечатаны в №№ 10 и 11 «Современника» за 1847 г. Своими впечатлениями о первых трех письмах, опубликованных в № 10 «Современника», Боткин поделился с Анненковым в письме от 12 октября 1847 г. (цит. изд.). Считая главным недостатком писем Герцена «неопределенность точки зрения», Боткин критиковал их с позиций буржуазного либерализма. Убеденный противник социализма, Боткин, выражавший на словах симпатии к рабочему классу как классу угнетаемому, видел в буржуазном строе вершину общественной организации. Отрицательное отношение Боткина к «Письмам» Герцена вполне разделяли Кавелин и Корш, считавшие буржуазный строй идеалом для общественного развития России. Несколько сложнее была в этом вопросе позиция Грановского. Как историк он относился критически

«ПИСЬМА ОБ ИЗУЧЕНИИ
ПРИРОДЫ» (ПИСЬМО ТРЕТЬЕ).
ЭКЗЕМПЛЯР С НАДПИСЬЮ:
«П. В. АННЕНКОВУ ОТ ГЕРЦЕНА»
Оттиск из «Отечественных записок»,
№ 7, 1845 г.

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

к внеисторическому пониманию буржуазии, проявленному Герценом. Но отрицательное отношение Грановского к «Письмам из Avenue Marigny» было вызвано не столько их содержанием, сколько легкой, подчас шутиливой формой. «В них слишком много фривольного русского верхоглядства. Так пишут французы об России», — писал Грановский Н. Г. Фролову 7 ноября 1847 г. («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II. М., 1897, стр. 424). Июньские события 1848 г. объяснили Грановскому ту страстность, с какой Герцен критиковал буржуазию. В первое время и Огарев опасался, что, «несмотря на многое скорбное и удушливое», с чем Герцен «необходимо должен был столкнуться» при первом же знакомстве с европейской жизнью, он «слишком немного обратил внимания на Staat in seiner politiko-ökonomischen Entwicklung»*. «Боюсь, — писал Огарев Герцену 8/20 июня 1847 г., — чтоб Gesamtheit** фактов и целость развития не скрылись перед тобою за теоретическими неудовольствиями» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 764).

⁵ «На пароходе» — небольшая статья юмористического содержания, над которой Герцен работал в ноябре 1847 г. Статья осталась незавершенной и до нас не дошла. В ответ на замечание Боткина о характере действующих лиц в «статье» Герцен писал 31 декабря 1847 г.: «Статейку „На пароходе“ не могу писать. Я ее поправлял, поправлял, да и испортил, а сначала было очень смешно, да и черновую имел глупость бросить в Ницце. Может, и налажу. Я читал исправленное Ал(ексею) Ал(ексеевичу) Тучкову, он смеется крепко» («А. И. Герцен. (Новые материалы), цит. изд., стр. 41). Н. М. Мендельсон, комментируя это письмо Герцена от 31 декабря 1847 г., утверждал, что «На пароходе» является не чем иным, как статьей «Перед грозой (Разговор на палубе)», вошедшей в книгу «С того берега». Как установлено М. М. Клевенским, речь идет о двух разных произведениях. «Совершенно очевидно, — писал Клевенский, — что в книгу „С того берега“ Герцен включил очерк „Перед грозой (Разговор на палубе)“, который он окончил в Риме 31 декабря 1847 г. и содержанием которого остался доволен. По содержанию этого очерка над ним никак нельзя было „крепко смеяться“. Небольшое же произведение „На пароходе“, исполненное юмора и упоминавшее как-то о голохвастовском „Бычке“, было написано в первоначальном виде в ноябре 1847 г. в Ницце. Герцен потом „испортил“ его (по его мнению) поправками, потерял черновики — и в конце концов оставил его незавершенным» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 205).

«Разговор на палубе» помечен: «Рим, 31 декабря 1847 г.». В этот день в Риме и были написаны приведенные нами слова из письма к Боткину.

⁶ Это письмо неизвестно. Вероятно Боткин имеет в виду то письмо Герцена, полученное Грановским 24 августа 1847 г., о котором Боткин писал Анненкову 24—25 августа 1847 г. («П. В. Анненков и его друзья», цит. изд., стр. 549).

⁷ Боткин имеет в виду статью Ю. Ф. Самарина «О мнениях „Современника“ исторических и литературных» («Москвитянин», 1847, № 2, подпись — «М...З...К...»), направленную против статей: Белинского — «Взгляд на русскую литературу 1846 года», А. Никитенко — «О современном направлении русской литературы» и К. Д. Кавелина — «Взгляд на юридический быт древней Руси». В одиннадцатой книжке «Современника» того же года Белинский выступил с «Ответом „Москвитянину“» — статьей, проникнутой духом непримиримости к идеологии славянофильства («Современник», 1847, № 11). Кавелин в № 12 «Современника» тоже напечатал статью «Ответ „Москвитянину“».

⁸ Полное название выпшедшего в 1847 г. сочинения Гакстгаузена: «Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands». Hannover, 1847 (два тома; третий том вышел в 1852 г.). Признавая, что работа Гакстгаузена привлекла общественное внимание к русской поземельной общине, Герцен в то же время называл это сочинение «дикое-реакционным трудом» и подчеркивал, что Гакстгаузен дал лживое освещение крепостного права, стараясь «доказать в своей книге, что помещики представляют патриархальную главу общины» (VII, 280). Как указывал Герцен, мнение это поддерживалось «плантаторами из московских панславистов», т. е. славянофилами.

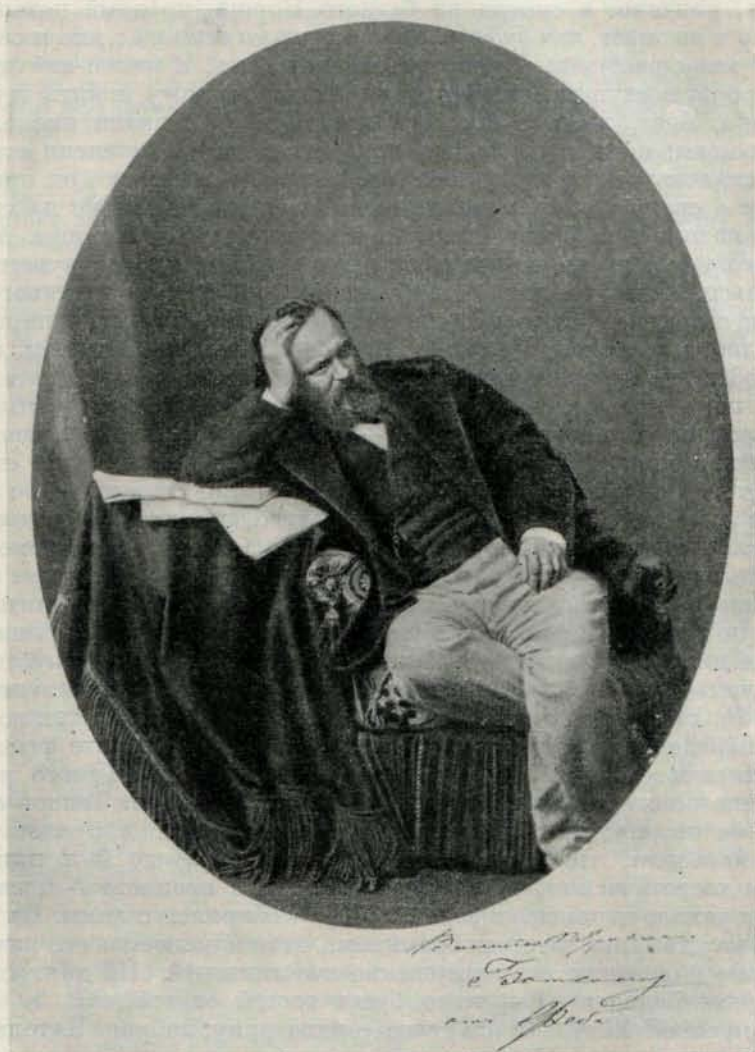
⁹ Жена К. Д. Кавелина, сестра Е. Ф. Корша.

Пожалуйста, не упрекай меня за такую, повидимому непростительную, медленность в ответе. Твое письмо получено с месяц назад¹, а я все не соберусь отвечать тебе, не соберусь потому, что на душе слишком много, а письмо твое требует ответа обстоятельного. Но я отвечать на него не стану по причинам, которые не нужно пояснять тебе. Вот это-то чув-

* государство в его политико-экономическом развитии (нем.).

** совокупность (нем.).

ство и заставляло меня молчать. Но,—подумал я, наконец,—как же не подать ему голоса, как же не сказать ему, что друзья его всё так же любят его (хоть он знает это и без уверенний) и ждут—не дождутся его возврата? И вот, только вследствие этого беру перо, чтоб сказать тебе что-нибудь о нашем житье. Ты знаешь ведь, — о варвар! — что письма твои

ГЕРЦЕН

Фотография 1861 г. с надписью неизвестной рукой: «Василию Петровичу Боткину от Феба»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

для нас дороги, а пишешь бог знает как редко, а мы — что нам сказать тебе? Крыловская история ², как ты знаешь, кончилась; Редкин получил отставку и горько скучает по университету; Корш без места, а «Московские ведомости» издает фактор типографии Дмитриев вместе с Дмитрием Павлычем ³. Кавелин уехал искать службы в СПб. и пока должен был взять место в Министерстве внутренних дел. Один Грановский, слава богу, остался в университете. Министр не выпустил его, был с ним чрез-

вычайно приветлив, внимателен. На днях Грановский едет по приглашению его к нему в деревню⁴. Надо тебе сказать, что вся эта история и ее окончание произвела в мнениях порядочных людей Москвы и Петербурга впечатление самое неудачное; не было ни одного голоса, одобрявшего их поступок, а все называли его поступком мальчишеским, каков он и есть в моем понятии. Но дело кончено; прошедшего не воротить. Да, кончено; а смотря на бедного Корша, который потерял весь свой юмор и не знает, *чем будет жить с троими детьми...*, но я об отставке их не могу рассуждать холодно. Может быть, с какой-нибудь точки они и хорошо поступили, только я до сих пор не могу понять эту точку.

Странно, брат, весть о смерти Виссариона⁵ сначала нисколько не поразила меня: я ждал ее; видел, как этот в высшей степени страстный человек стал ко всему равнодушен; его ничто не занимало, он примирился вполне с своим женатым положением, жаловался только на свое здоровье — и видимо гас. Последние месяцы тяжело было быть с ним. А теперь мысль, что уже нет его, вдруг обдаёт душу таким жгучим чувством, что задыхаешься. О журналах петербургских не считаю нужным писать тебе: они сделались чисто сборниками переводов с иностранного⁶. По всему видно, что ты еще не скоро собираешься сюда — впрочем, сколько нам ни обещает наслаждения твое присутствие, поживи, брат, там до тех пор, пока можно; будет время отдохнуть от всех страшных дней, пережитых вами в последнее время. — Да, вот что: М. С. Щепкин просил меня напомнить Тургеневу об обещанной им комедии для его бенефиса. Но где теперь Тургенев? В Лондоне или Париже — не знаю⁷. Авось ты можешь проведать его жительство, и если проведает, то непременно передай ему поручение Михайла Семеныча, да немедленно, не откладывая.

Как мне ни хочется сделать это письмо сколько-нибудь интересным для тебя, но решительно не могу. Что, например, стану отвечать я на строки, присланные вами, Наталья Александровна? Долгим и грустным пожатием руки — больше нечем; но не могу не прибавить: «*Erreg si muove!*» *

Впрочем, ты не спеши торжествовать надо мною: если я так восставал на твои нападения на буржуазию, так только потому, что решительно не мог открыть, с какой точки ты нападаешь на нее. Такого рода нападения мне понятны были с точки зрения социалистов. Теперь события уяснили все теории: дело идет между собственностью и пролетариатом. События показали, что вопрос о буржуазии и народе был только построением теоретическим, неясным. Но об этом предмете — после.

Огарев уехал, наконец, в деревню, куда собирался с зимы. Он до того влюблен, что стал совершенным браминим. А так как любовь его разделена, то я считаю положение его совершенно счастливым⁸. На днях ожидают сюда Марью Федоровну⁹ — то-то будет вестей от вас!

Пока прощай! Жму вам от всего сердца руку, добрая Наталья Александровна.

Ваш В. Боткин

А где наш милый *signor Paulo*¹⁰? Ты в последнем письме пишешь об его отъезде, — но куда? На север или юг? Известите, пожалуйста. А если он еще с вами, то обнимите его за меня.

Наш маленький здешний кружок прибывает: в сентябре переедет в Москву Фролов¹¹: один из лучших людей, каких мне случалось только встречать.

Грановский и Корш живут еще на даче; двадцать три версты от Москвы.

*«А все-таки вертится!» (итал.).

¹ Это письмо Герцена неизвестно.

² О скандальной истории, происшедшей в семье профессора Московского университета Н. И. Крылова; о вызванной этой историей отставке профессоров университета К. Д. Кавелина и П. Г. Редкина; об уходе из редакции «Московских ведомостей» Е. Ф. Корша — см. IV, 428 и V, 182—183.

³ *Дмитрий Павлович* — Голохвастов, в 1847—1849 гг. попечитель Московского учебного округа, двоюродный брат Герцена.

⁴ *Министр* — С. С. Уваров, в подмосковной усадьбе которого (Поречье) часто бывали профессора Московского университета.

⁵ Белинский умер 26 мая 1848 г.

⁶ После образования так называемого «комитета 2 апреля», учрежденного сверх обычной цензуры для надзора за всей литературой и искоренения крамолы, передовые русские журналы «Современник» и «Отечественные записки», лишенные возможности продолжать печатание произведений писателей «натуральной школы», вынуждены были заполнять номера по преимуществу переводной беллетристкой.

⁷ И. С. Тургенев был в это время в Париже. Для бенефиса Щепкина он писал пьесу «Нахлебник» (V, 247).

⁸ Боткин имеет в виду роман Огарева с Е. В. Салиас де Турнемир, урожденной Сухово-Кобылиной (Евгенией Тур).

⁹ Марья Федоровна *Корш* находилась в это время в пути, возвращаясь из-за границы, куда уехала вместе с Герценом и его семьей.

¹⁰ *signor Paulo* — Павел Васильевич Анненков. В письме к Грановскому и к Е. Ф. и М. Ф. Корш от 6 сентября 1848 г. Герцен писал: «Ан(ненков) хотел ехать 6, но остался, ибо 8, т. е. 26 августа, именины Наташи...» (V, 238).

¹¹ Николай Григорьевич *Фролов* (1812—1855). См. о нем в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, по указателю.

3

16 сентября (1848 г.). Москва ¹

Марья Федоровна прислала мне сегодня письмо для отсылки его на почту (они живут очень далеко от нее), оно пойдет к вам в Париж; это сильно подстрекает меня сказать вам несколько слов. А главное, мне необходимо сказать тебе, что я считаю «Перед грозой» ² — одними из превосходнейших страниц, какие мне случилось читать в моей жизни. Читая их, я несколько раз оставлял тетрадь и ходил по комнате, чтоб дать успокоиться слишком взволнованному чувству; часто я не мог продолжать чтение от слишком стремительной полноты наслаждения. Это превосходно! Под этим бы Дидро подписал свое имя. Читая эти немногие страницы, я как будто переживал в себе всю историю — и мне становилось то невыносимо тяжело, то отраднo. Никогда еще глубочайшие проблемы жизни и истории не были поставлены с такою неумолимою яркостью и упорством, и никогда еще содержание, доступное только самой отвлеченной диалектике, не принимало таких простых, общепонятных форм. Никто не предупредил меня в пользу этой статьи. Сатин, передавая ее мне, даже отнесся о ней очень равнодушно. Не знаю, может быть я увлекаюсь, может быть даже ошибаюсь, но верно то, что она возбудила во мне энтузиазм. Может быть, это оттого, что вопросы эти меня часто занимают и что я сошелся с тобою в их разрешении. Но как это написано, что это за язык, что за яркость мысли и выражения, — мне стыдно и очень неловко говорить тебе похвалы в глаза, но я не могу скрыть в себе моего энтузиазма, точно так же, как я не мог скрыть перед тобою моих чападок на твои письма из Avenue Marigny. С величайшим удовольствием прочел я твое письмо от 1 июня (исторический обзор событий 24 февраля) ³. В нем не было ничего для меня нового, но оно превосходно по изложению, свойственному только одному тебе. Боже мой, Герцен, какой бы ты был журналист! Для меня до сих пор было высшим мастерством в этом роде — статьи Марраста ⁴ об иных заседаниях старой палаты, но теперь твои письма заслонили их. Не могу я только во всем согласиться с тобой касательно твоего письма от августа ⁵. Я понимаю, что события слишком тяжело ложились на твою душу, чтоб можно было дать место философскому созерцанию, но, прости меня, в этом письме я не вижу основы, грунта.

Конечно, они есть там, но как чувство, как стремление, как совокупность всего, что есть лучшего и благороднейшего в современной природе человека. Ты напрасно причисляешь меня к партизанам *bourgeoisie*; никогда я им не был, и ничто так не противно мне, как дух и нравственность буржуазии. Я очень хорошо понимал нападения социалистов на буржуазию, но вне социализма эти нападения мне казались несостоятельны. Вне социализма — как ни нападайте на нее, никак не выйдешь из *cercele vicieux* *. Мне казалось, ты нападал на нее вне социализма, и оттого я не мог открыть грунта в твоих нападениях. Но об этом поговорим после ⁶. Заметь, как ни плохо Национальное собрание, но оно очень бы радо было отделаться одними прекрасными чувствами, да теперь дело-то не в чувствах, а в практических учреждениях, в экономических расчетах. Ты знаешь слова Наполеона: «*Ce que j'admire surtout c'est l'impuissance de la force à organiser quelque chose*» **. Но полно. От всего этого мочи нет, — душно и тяжело, словно присутствуешь перед трагедией, где все гибнет — и доброе, и злое.

Жму ваши руки от всего сердца.

В. Б.

Анненков уже в Петербурге.

Мне кажется, что цензура пропустит «Перед грозой». Во всяком случае, надобно будет дать ее цензору в рукописи ⁷.

¹ Год определяется содержанием письма.

² Статью «Перед грозой» Герцен переслал в Москву с М. Ф. Корш. Автографическая рукопись ее неизвестна.

³ Первое письмо из цикла «Опять в Париже» от 1 июня 1848 г. (VI, 613—624). В нем описывается февральская революция 1848 г.

⁴ Арман *Марраст* (1801—1852) — французский политический деятель и публицист. Боткин имеет, вероятно, в виду статьи Марраста в парижской газете «*National*», редактором которой он являлся.

⁵ Третье письмо из цикла «Опять в Париже», от 28 августа 1848 г. (VI, 649—657).

⁶ Отношение Боткина к той критике буржуазии, с которой выступал Герцен, вызывало со стороны Герцена иронические реплики. Так, например, в письме к московским друзьям от 2 августа 1848 г., рассказывая об июньских событиях, Герцен восклицал: «Все защитники буржуазии, как вы хлопнулись в грязь!» («А. И. Герцен. Новые материалы», цит. изд., стр. 46), а в письме от 6 сентября 1848 г. саркастически спрашивал: «Защищает ли Боткин буржуазию?» (V, 236).

⁷ Статья «Перед грозой», как и другие статьи, составившие книгу «С того берега», в это время в России, разумеется, легально выйти не могла и впервые была издана на русском языке только в Вольной русской типографии в Лондоне в 1855 г.

* порочного круга (франц.).

** «Что меня особенно поражает — это бессилие власти организовать что-либо (франц.).»